

Глава I. Массовое движение на Украине

Писать эту главу мне было нелегко.

Если я посвятил сто страниц кронштадтскому движению, то соответствующее освещение событий на Украине в силу их масштабности, продолжительности, а главное, революционного и нравственного значения потребовало бы в пять раз больше места, а для этого у меня не было возможности.

С другой стороны, из материалов, имеющих в моем распоряжении, наиболее информативным является превосходная работа Петра Аршинова[40] «История махновского движения». И у меня нет никакой возможности — в нынешних условиях — чем-либо ее дополнить. А перепечатывать уже опубликованные — даже в специальном издании, ставшем библиографической редкостью — документы представляется мне излишним.

Конечно, я мог бы использовать два достаточно ценных источника: 1) некоторые факты, изложенные во 2-м и 3-м томах «Воспоминаний» Нестора Махно, вдохновителя и военного руководителя движения, опубликованных только на русском языке в 1936–1937 гг.; 2) собственные воспоминания, ибо мне довелось дважды, в конце 1919-го и в конце 1920 гг., то есть на протяжении примерно шести месяцев, участвовать в этом движении.

Что касается «Воспоминаний» Махно, то смерть автора (последовавшая в Париже в 1934 г.) не дала ему завершить работу над ними: три изданных тома (первый вышел на русском и французском языках задолго до последующих) охватывают лишь период 1917–1918 гг. и *не затрагивают настоящее массовое движение, важнейшие и трагические события 1919–1921 гг.*

А мои личные воспоминания были бы полезны, если бы носили характер подробного описания всех происходивших событий. Отдельные же случаи, вырванные из общего контекста, не представляют особого интереса.

Тем не менее при исследовании русской Революции, особенно при таком подходе, который отличает эту книгу, обойти молчанием массовое движение на Украине невозможно.

Это движение сыграло в Революции *роль исключительной важности*, еще более значимую, чем кронштадтские события, что было обусловлено его размахом, продолжительностью, *подлинно народным характером*, ярко выраженной идеологической направленностью и, наконец, задачами, которые перед ним стояли.

Однако по причинам, хорошо понятным читателю этой книги, имеющаяся литература, причем любая, обходит это движение полным молчанием. А если и упоминает о нем, то лишь очень бегло и с единственной целью очернить его.

Таким образом, украинская эпопея до сих пор остается практически неизученной. И все же она является одной из самых важных составляющих «неизвестной Революции».

На самом деле даже работа Аршинова, объемом примерно в 400 страниц, лишь *резюмирует* события. Украинское движение заслуживает многотомных исследований. Одни только *документы*, представляющие огромную историческую ценность, заняли бы несколько сотен страниц. Петр Аршинов приводит лишь ничтожную их часть.

Естественно, подобный колоссальный труд ляжет на плечи историков будущего, в распоряжении которых будут все необходимые источники. Но уже сейчас необходимо по возможности пролить свет на это движение.

Все приведенные выше противоречивые доводы побудили меня принять следующее решение:

1) **Советую всем серьезным и заинтересованным читателям прочесть фундаментальную работу Петра Аршинова. Найти ее нелегко, поскольку вышла она в маленьком анархистском издательстве в 1924 г.**[41]. Но она сполна вознаградит читателя за усилия, потраченные на ее поиск у букинистов на набережных Парижа или в больших библиотеках.

2) В этой главе речь пойдет об *основных этапах* движения, цитируемые документы взяты, главным образом, из книги Аршинова.

3) Некоторые подробности заимствованы из «Воспоминаний» Н. Махно.

4) Я также счел нужным привести ряд случаев из моей жизни.

Украина(или Малороссия) — обширный регион на юге или, точнее, юго-западе России[42] площадью примерно 450 тысяч квадратных километров (почти четыре пятых территории Франции), население которого составляет около 30 миллионов человек. Она включает Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии. Последняя выходит на Черное и Азовское моря и примыкает к Крыму, с которым ее связывает Перекопский перешеек.

Кратко напомним характерные особенности и основные моменты истории Украины, которые читателю необходимо знать, чтобы понять события, происходившие там в 1917–1921 гг.

1) Украина — один из богатейших аграрных районов мира. Жирный и плодородный чернозем дает огромные урожаи. Ее издавна называли «житницей Европы», поставлявшей в различные европейские страны зерно и другую сельскохозяйственную продукцию.

Кроме зерновых, на Украине произрастают овощи и фрукты, плодородные степи служат хорошими пастбищами, край богат лесами, реками, а на Дону имеются обширные залежи каменного угля.

2) Из-за своих природных богатств, а также географического положения Украина всегда представлялась лакомым куском различным странам, как соседним, так и отдаленным. В течение столетий население Украины, очень неоднородное этнически, но сплоченное стремлением сохранить свою свободу и независимость, вело борьбу против турков, поляков, немцев, а также против могущественного ближайшего соседа — царской России. В итоге она была включена в огромную Российскую империю: частью завоеванная, частью вошедшая добровольно, нуждавшаяся в реальной защите сильного соседа от различных посягательств.

3) Однако этнический состав населения Украины, многовековые контакты — военные, торговые и прочие — с западным миром, некоторые географические и топографические особенности региона, а также отдельные черты характера, темперамент и менталитет ее народа вызвали *достаточно яркие различия между положением в Великороссии и на Украине при царском режиме.*

Ряд районов Украины, в отличие от Великороссии, никогда полностью не подчинялся центральной власти. Их население сохранило определенный дух независимости, сопротивления. Умный и достаточно образованный, своего рода «индивидуалист», предприимчивый и инициативный, оберегающий свою независимость, веками привыкший отстаивать ее с оружием в руках, дорожающий своей свободой и самостоятельностью, украинец, *по сути*, никогда не был полностью поработан — не только телом, но и душой, что отличало его от остальных жителей Российской империи.

Мы имеем в виду, главным образом, население *отдельных областей* Украины, которое даже добились своего рода негласного habeas corpus и жили свободно; эти области, подобные корсиканским «маки», были почти неподвластны царским войскам.

В особенности это относилось к островам в низовье Днепра, знаменитому Запорожью, где свободолюбивые люди уже в XIV веке создали военные лагеря и в течение столетий боролись против попыток их порабощения со стороны соседних стран, в том числе России[43]. В конце концов этим воинам пришлось подчиниться российскому государству. Но традиции «вольницы» на Украине так и не удалось полностью искоренить. Какие бы усилия не предпринимали цари, начиная с Екатерины II, чтобы уничтожить в душе украинского народа всякие остатки традиций «запорожской республики», это наследие минувших (XIV–XVI) веков оставило свой след.

Крепостничество, беспощадное в Великороссии, было на Украине, если можно так выразиться, более «либеральным» из-за постоянного сопротивления крестьян. Тысячи их, спасаясь от жестоких помещиков, находили убежище в «вольнице».

В самой России те, кто не хотел быть крепостными, кто стремился к свободе, любил независимую жизнь, имел проблемы с правосудием или становился жертвой законов

империи, бежали в леса и другие малодоступные области Украины, чтобы начать новую жизнь. Так, в течение многих столетий Украина была землей обетованной для всякого рода беглецов.

Близость к морю и портам (Таганрог, Бердянск, Херсон, Николаев, Одесса), соседство с Кавказом и Крымом — отдаленными и центра районами, где имелось немало безопасных мест — давало предприимчивым и сильным людям еще больше возможностей жить свободной, независимой жизнью, окончательно порвав с существующими порядками. Позднее часть их пополнила ряды «босяков», мастерски описанных Максимом Горьким.

Таким образом, сама «атмосфера» на Украине сильно отличалась от российской.

Украинские крестьяне сохранили любовь к свободе вплоть до наших дней. Она нашла проявление в их упорном сопротивлении всякой Власти, желающей их поработить.

Ситуация на Украине после большевистского переворота.

Теперь читателю станет ясно, почему диктатура большевиков и их политика насильственного огосударствления натолкнулись на Украине на гораздо более решительное и длительное сопротивление, чем в Великороссии.

Этому способствовал и ряд других факторов:

1) Организованные силы коммунистической партии на Украине по сравнению с Россией были очень слабы. Большевики никогда не пользовались большим влиянием в среде украинских крестьян и рабочих.

2) По этой и другим причинам Революция, начатая в октябре, докатилась до Украины гораздо позднее; события развернулись лишь в ноябре 1917 года и завершились в январе 1918-го. **Сначала к власти на Украине пришла — одновременно с Керенским в России — местная буржуазия, «петлюровцы» — сторонники «демократа» Петлюры**[44]. Большевики боролись против этой власти более военными, нежели революционными средствами.

3) По причине непопулярности и слабости коммунистической партии власть Советов на Украине означала нечто иное, чем в России.

На Украине Советы в значительно большей степени являлись независимыми собраниями рабочих и крестьянских делегатов. В них не господствовала ни одна политическая партия — меньшевики также не пользовались на Украине почти никаким влиянием, — и они не имели возможности *подчинить* себе народные массы. Рабочие на заводах и крестьяне на селе ощущали себя *реальной* силой.

В своей революционной борьбе они не привыкли уступать кому-либо инициативу, подчиняться какому-нибудь непреклонному наставнику вроде партии большевиков в Великороссии.

Таким образом, свобода мысли и действия была им свойственна издавна и в полной мере. Она неизбежно должна была проявиться в массовом революционном движении.

Эти факторы дали себя знать уже в самом начале событий. В то время как в Великороссии революция была быстро и без труда была введена в рамки Коммунистического Государства, на Украине огосударствление и диктатура столкнулись со значительными трудностями. «Советский (большевистский) аппарат» утверждал свою власть главным образом с помощью принуждения, силовых методов. *Независимое массовое движение*, особенно крестьянское, неподвластное политическим партиям, развивалось параллельно процессу огосударствления.

Это независимое движение трудящихся масс заявило о себе уже при «демократической республике» Петлюры. Оно разворачивалось медленно, искало свой путь. Первые шаги были сделаны в начале февраля 1917-го. Это было стихийное движение, «вслепую» стремившееся положить конец экономической системе угнетения и создать новое общественное устройство, основанное на обобществлении средств производства и принципе совместной обработки земли самими трудящимися.

Во имя этих принципов рабочие изгоняли капиталистов и поручали управление производством своим классовым органам: возникающим профсоюзам, заводским комитетам и др. Крестьяне захватывали земли помещиков и кулаков, оставляли урожай самим труженикам, формируя, таким образом, новый тип организации сельского хозяйства. Естественно, процесс этот происходил крайне медленно, стихийно и беспорядочно. Делались первые, еще неловкие шаги на стезе будущей более активной, сознательной и организованной деятельности. Путь, который неосознанно избрали народные массы, оказался наилучшим. И они интуитивно чувствовали это.

«Эта практика революционного действия рабочих и крестьян развивалась почти беспрепятственно в течение всего первого года революции и создавала здоровую, вполне определенную *линию революционного поведения масс*.

И всякий раз, когда та или иная политическая группа, захватившая власть, пыталась разбить эту линию революционного поведения трудящихся, последние неизменно вступали в революционную оппозицию этим попыткам, так или иначе боролись с ними.

Таким образом, революционное движение трудящихся к социальной независимости, начавшееся с первых дней революции, не замирало ни при одной власти, бывшей на Украине. Не умерло оно и при большевизме, который после октябрьского переворота стал вводить в стране свою единодержавную государственную систему.

Что же характерно для этого движения?

Недоверие ко всем нетрудовым группам общества; желание достичь в революции своих подлинно классовых интересов, завоевать независимость труда.

Ведь как коммунистическая партия ни мудрствовала, доказывая, что она является мозгом рабочего класса, что ее власть есть власть рабочих и крестьян, — всякому не утратившему

классового чутья и классового сознания рабочему и крестьянину было ясно, что трудящиеся города и деревни оттесняются от своего дела в революции, что власть берет их под свой надзор, отнимает у них право на независимость и на какое бы то ни было самоуправление.

Стремление к полному самоуправлению трудящихся — вот что стало основой начавшегося в глубине масс движения. Множеством путей и случаев мысль их постоянно направлялась к этому. Государственная деятельность коммунистической партии беспощадно убивала это стремление. Но именно деятельность самоуверенной, не терпящей возражения партии подталкивала трудящихся на поиск своих форм и своего пути.

Движение первое время ограничивалось игнорированием новой власти и самочинными действиями крестьян в области захвата помещичьих земель и инвентаря. Неожиданная оккупация Украины австро-германцами поставила трудящихся в совершенно новую обстановку и дала толчок ускоренному развитию их движения»[45].

Оккупация Украины австро-германскими войсками после подписания Брестского мира со всеми ее ужасными последствиями для трудового народа изменила положение в стране и ускорила развитие массового движения.

Здесь я позволю себе почти целиком процитировать главу из работы Петра Аршинова, ибо в ней наилучшим образом изложены события, последовавшие за подписанием Брестского мира. Напомним, что основной пункт мирного договора предоставлял Германии возможность беспрепятственно занять территорию Украины.

Рассказ Аршинова краток, ясен, в нем поразительно схвачена суть произошедшего. Мне нечего ни изменить, ни добавить. Каждая деталь важна для читателя, если он хочет понять последующие события.

Поскольку большинство читателей не имеет возможности ознакомиться с работой Аршинова[46], тем полезней привести отрывок из нее.

«Брест-Литовский договор, заключенный большевиками с германским императорским правительством, открыл настежь ворота Украины для австро-германцев. Последние вошли в нее полными хозяевами. Они наложили свою руку не только на военную, но и на политическую и хозяйственную жизнь страны. Целью их было — пограбить страну продовольственно. Чтобы достигнуть этого возможно полнее и безболезненнее для себя, они возродили в стране свергнутую народом власть помещиков и дворян, поставив над ним единодержавную власть гетмана Скоропадского. Войска же, оккупировавшие Украину, были обмануты своим офицерством, которое постоянно кормило их ложью о русской революции. Положение в России и на Украине им представляли как разгул диких и слепых сил, разрушающих порядок в стране и терроризирующих все честное трудовое население. Этим в них разжигали вражду ко всем бунтующим крестьянам и рабочим, создавая таким образом почву для возмутительного и прямо разбойного поведения австро-германской армии в революционной стране.

Продовольственный грабёж Украины, начатый австро-германцами при всемерной помощи правительства Скоропадского, был бесконечно велик и разнообразен. Вывозили все — хлеб,

скот, птицу, яйца, сырье и т. д., — и все это в таких размерах, с которыми еле справлялся транспорт. Словно попав на гигантские продовольственные склады, обреченные на расхищение, австрийцы и германцы торопились забрать как можно больше, грузили поезд за поездом, сотни, тысячи поездов, и вывозили к себе. Там, где крестьянство противилось этому грабежу, пытались не отдавать свое трудовое добро, его подвергали репрессиям, шомполовали и расстреливали.

Оккупация Украины австро-германцами составляет мрачную страницу в истории ее революции. Помимо открытого военного грабежа и насилия оккупантов, она сопровождалась еще черной помещичьей реакцией. Гетманский режим — это полный возврат к прошлому, уничтожение всех революционных завоеваний крестьян и рабочих. Эта новая обстановка дала громадный толчок к ускоренному развитию того движения, которое намечалось в крестьянстве еще раньше, при петлюровцах и большевиках. Всюду, главным образом в деревнях, пошли ожесточеннейшие акты восстания против помещиков и австро-германских властей. С этого началось новое революционное движение крестьян Украины, ставшее потом известным под именем *революционного повстанчества*. Некоторые объясняют происхождение революционного повстанчества исключительно фактом австро-германской оккупации и режимом гетмана. Это объяснение не полно и поэтому не верно. Повстанчество имеет корни в обстановке и основе русской революции, является попыткой трудящихся довести революцию до конца — к реальному освобождению и господству труда. Австро-германцы и реакция помещиков лишь ускорили проявление этого движения.

Движение быстро приняло широкие размеры. Всюду крестьянство поднималось на помещиков, убивало или изгоняло их, забирая себе землю и имущество, не щадя при этом и австро-германских насильников. Ответом на это были беспощадные репрессии немецких и гетманских властей. Крестьян бунтующих сел массами расстреливали, шомполовали, сжигая их хозяйства. В короткий срок сотни сел и деревень подверглись неистовой расправе военно-помещичьей касты. Это было в июне, июле и августе 1918 года. Тогда крестьянство, упорно не желавшее покориться властям, начало действовать партизанским способом. Словно силою невидимых организаций, оно, почти одновременно во многих местах страны, создало множество партизанских отрядов, начавших действовать военными набегами на помещиков, их охрану и представителей власти. Обыкновенно эти партизанские отряды, состоявшие из 20-50-100 человек конных, хорошо вооруженных крестьян, делали быстрый, неожиданный в данной местности налет на помещичью усадьбу, на государственную стражу, перебивали всех врагов крестьян и исчезали. Каждый помещик, преследовавший крестьян, и его верные слуги были на учете у партизан и ежедневно могли быть убиты. Каждый милиционер, каждый немецкий офицер были обречены партизанами на верную смерть. Акты эти, ежедневно производимые в разных концах страны, били помещичью контрреволюцию по живому, подготавливая неминуемую ее гибель и победу крестьянства. Мы должны отметить здесь, что как широкие, неподготовленные, принимавшие стихийный характер общедеревенские повстанья крестьян, так и партизанские их действия велись исключительно самими крестьянами, без какой бы то ни было политической организации. В течение всего периода борьбы с гетманом и помещиками, даже в самые тяжелые моменты этой борьбы крестьянство, без всякой посторонней помощи и участия, сражалось со своим организованным, вооруженным и ожесточенным врагом. Это, как мы увидим дальше, имело громадное влияние на характер

всего революционного повстанчества. Основной чертой повстанческого движения там, где оно сохранило чисто классовый характер и не попало под влияние партийного или националистического элемента, было революционное самоуправление народа. Партизаны гордились им и видели в борьбе за народную свободу свое великое призвание. Ожесточенные репрессии помещичьей контрреволюции не остановили движения, а наоборот — расширили и сделали его повсеместным. Крестьяне спланивались; сам ход движения приближал их к единому плану революционных действий. Конечно, в масштабе всей Украины крестьянство ни разу не объединилось в общую группу, действующую под единым руководством. О таком объединении можно говорить лишь в смысле единства революционного духа. Практически же, организационно, крестьянство объединялось по районам путем слияния отдельных партизанских отрядов. Такое объединение — как только повстанцы участвовали, а репрессии приняли ожесточенный и организованный характер — стало неотложным делом отрядов. На юге Украины инициативу объединения проявил Гуляй-Польский район. Там оно происходило не только с целью самозащиты крестьянства, но, главным образом, для всеобщей борьбы с помещичьей контрреволюцией. Объединение это преследовало также цель создать из революционного крестьянства реальную организованную силу, которая могла бы бороться с любой контрреволюцией и отстаивать свободу и территорию революционного народа»[47].

Последняя цель, важнейшая и решающая, поставила перед движением объединения крестьянских масс более обширную задачу: вовлечь в него революционные элементы *из других районов* и, по возможности, превратить революционное крестьянство в *организованную силу*, способную бороться с любой реакцией и успешно защищать свободу революционного народа.

Самую значительную роль в деле объединения и общего развития революционного повстанчества на юге Украины сыграл партизанский отряд под руководством крестьянина родом из этого района — Нестора Махно. Вот почему движение получило название «махновского».

«Со времени зарождения повстанчества, — пишет Петр Аршинов, — и до момента его высшего напряжения, когда крестьянство победило помещиков, Махно играл в движении исключительную роль. Наиболее героические события повстанческого движения связаны с его именем. Затем, когда повстанчество восторжествовало над контрреволюцией Скоропадского, а району стала угрожать опасность со стороны Деникина, Махно стал в центре объединения миллионов крестьян на территории нескольких губерний»[48].

Подчеркнем, что речь шла лишь о *южной* части Украины.

«Ибо не везде повстанчество сохранило свою революционную народную сущность, верность интересам своего класса. В то время как на юге Украины оно подняло черное знамя анархизма и пошло по пути безвластия и самоуправления трудящихся, в западной и северо-западной части Украины оно, по свержении гетмана, попало под влияние чуждых и враждебных ему элементов — демократических националистов (петлюровцев). В течение двух с лишним лет часть повстанцев западной Украины служила опорой петлюровцам, которые под национальным стягом преследовали интересы местной либеральной

буржуазии. Повстанческое движение крестьян Киевской, Волынской, Подольской и части Полтавской губерний, хотя и имело общие с остальным повстанчеством корни, в своем последующем развитии не смогло определить собственных исторических задач, попало под руководство врагов труда и стало, таким образом, слепым орудием в их руках.

Совершенно в ином направлении развивалось революционное повстанчество юга Украины. Оно резко отмежевывалось от нетрудовых элементов современного общества, от национальных, религиозных, политических и иных предрассудков рабского строя, встало на почву реальных требований своего класса — пролетариев города и деревни — и во имя этих требований повело суровую войну с многочисленными врагами труда».[49]

В нашей книге мы не раз упоминали имя *Нестора Махно*, украинского крестьянина, сыгравшего огромную, исключительную роль в мощном крестьянском восстании на юге Украины.

Мы писали также, что во всей существующей литературе о русской Революции, за исключением нескольких либертарных изданий, это массовое движение полностью замалчивается — или же извращается.

А если исследователи и вынуждены упомянуть его вдохновителя и военного руководителя, Нестора Махно, то они обязательно используют такие эпитеты, как «бандит», «убийца», «грабитель», «погромщик» и пр. Постоянно и упорно на него клеветают, порочат его имя. В лучшем случае авторы бессовестно, не утруждая себя исследованием и проверкой фактов и мифов, распространяют абсурдные вымыслы и невероятные глупости о его жизни и деятельности[50].

Такой подход, увы, стал классическим и повсеместным. И это вынуждает нас кратко изложить подлинную биографию Н. Махно, в частности, этапы его деятельности до свержения гетмана.

Впрочем, понимание личности Махно необходимо также для оценки последующих событий.

«Махно Нестор Иванович — крестьянин, родившийся 27 октября[51] 1889 г. и выросший в селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии, сын бедной крестьянской семьи. На одиннадцатом месяце жизни он лишился отца, оставшись, вместе с четырьмя маленькими братьями, на руках матери. Уже с семи лет, по причине особенной бедности семьи, он работал подпаском — пас коров и овец крестьян своего села. Восьми лет поступил в местную начальную школу, причем зимой учился, а летом пастушил. Окончив школу, двенадцатилетним мальчиком он отправился на заработки. Работал в экономиях немецких кулаков и в имениях помещиков в качестве простого чернорабочего. Уже тогда, будучи четырнадцатилетним юношей, он питал сильную ненависть к эксплуататорам-хозяевам и мечтал о том, как бы он посчитался с ними за себя и за других, если бы был в силах. После он работал литейщиком на заводе в своем селе.

До шестнадцати лет он не соприкасался с политическим миром. Его революционные и социальные воззрения складывались в небольшом кругу односельчан, таких же пролетариев-крестьян, как он сам».[52]

Утверждения, что Махно был учителем, и мировоззрение его сформировалось под влиянием одного интеллигента-анархиста[53], не соответствуют действительности, как, впрочем, и многие другие.

«Революция 1905 года сразу выбила его из этого небольшого круга, поставив в поток широких революционных событий и действий. В это время он был семнадцатилетним юношей, полным революционного энтузиазма, готовым на любые действия ради освобождения трудящихся. После ближайшего знакомства с политическими организациями он решительно вступает в ряды анархистов-коммунистов и становится с этого момента неустанным борцом за социальную революцию. [...] Махно нашел себе обширное поле деятельности, принимая участие во многих опаснейших моментах анархической борьбы.

В 1908 году он попадает в руки царского суда, который за участие в анархических сообществах и террористических актах приговаривает его к повешению, замененному затем, ввиду его несовершеннолетия, бессрочной каторгой. Всю каторгу Махно отбывал в Московской центральной пересыльной тюрьме (Бутырках)[54]. Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно, тем не менее, постарался использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события.

На каторге, будучи еще совсем молодым, Махно подорвал свое здоровье. Упорный, не могущий примириться с полным бесправием личности, которому подвергался каждый осужденный на каторгу, он всегда спорил с тюремным начальством и очень часто сидел за это по холодным карцерам, нажив себе таким образом туберкулез легких. За «неодобрительное поведение» он в течение 9-ти лет, до последнего дня заключения, пробыл закованным по рукам и ногам, пока, наконец, восстанием московского пролетариата не был освобожден 2 марта 1917 года наряду с остальными политическими заключенными.

По выходе из заключения Махно немедленно возвращается в Гуляй-Поле, где многочисленное крестьянство встретило его с особенным сочувствием. Он являлся на все село единственным политическим каторжанином, возвращенным революцией домой, и невольно стал поэтому предметом теплого отношения крестьян. Теперь это был не просто молодой, мало подготовленный юноша, а законченный опытный боец, с сильными волевыми устремлениями и с определенным планом социальной борьбы.

По прибытии в Гуляй-Поле он немедленно отдается революционной борьбе, стараясь прежде всего организовать крестьян своего и окрестных сел, создает профессиональный союз крестьян-батраков, организывает трудовую коммуну и местный крестьянский совет. Он был вдохновлен главной своей задачей — сплотить и организовать все крестьянство настолько прочно, чтобы оно могло раз и навсегда выгнать всю «расу» крепостников-управителей и само строить свою жизнь. И он, продвигаясь в этом направлении, вел организационную работу среди крестьян, но

не как проповедник, а как практический борец, стараясь спланировать трудящихся, вскрывая обман, угнетение и несправедливость рабского строя. В период керенщины и октябрьских дней он был председателем районного крестьянского союза, земельного комитета, профессионального союза металлистов и деревообделочников и, наконец, председателем Гуляй-Польского Совета крестьян и рабочих.

В середине августа 1917 г. в качестве председателя Совета он собрал всех помещиков и собственников района, отобрал у них документы о количестве находившихся в их владении земли и инвентаря и произвел точный учет всего этого имущества. Затем он сделал доклад — сначала на собрании волостного совета, а потом на районном съезде. В своем докладе он предложил, чтобы помещики и кулаки пользовались землей наравне с трудовым крестьянством. Районный съезд, по его предложению, постановил: оставить кулакам и помещикам по трудовой норме земли, а также живого и мертвого инвентаря. По примеру Гуляй-Польского района, такие постановления были вынесены на многих уездных съездах крестьян Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Харьковской и других губерний.

За это время Махно в своем районе стал душой крестьянских движений, отнимавших у помещиков землю, имущество, а где надо было — и жизнь. Этим он нажил себе смертельных врагов в лице местных землевладельцев, богачей и буржуазных организаций».[55]

В момент оккупации Украины австро-германцами подпольный Революционный комитет поручил Махно сформировать рабоче-крестьянские отряды для борьбы с захватчиками и властями[56].

Он сделал все необходимое, но был вынужден вместе со своими партизанами с боями отступить на Таганрог, Ростов и Царицын.

«Местная буржуазия, окрепшая с приходом австро-германцев, уже за ним охотилась. И ему пришлось скрываться. В отместку украинские и немецкие военные власти сожгли дом его матери и расстреляли его старшего брата Емельяна, инвалида войны.

В июне 1918 года Махно прибыл в Москву, чтобы посоветоваться с некоторыми старыми работниками анархизма относительно направления и характера деятельности среди украинского крестьянства. Однако у анархистов, оказавшихся в этот период русской революции крайне неустойчивыми и слабыми[57], он удовлетворивших бы его советов и указаний не нашел».[58]

Он отправился на Украину, еще более утвердившись в решении реализовать свои собственные планы[59].

Нужно отметить, что во время краткого пребывания в Москве у Махно состоялись встречи со старейшим теоретиком анархизма Петром Кропоткиным и с Лениным. Он подробно рассказал об этом — в особенности, о разговоре с Лениным — в своих воспоминаниях. Махно пишет, что некоторые советы Кропоткина оказались ему очень полезны. В беседе же с Лениным затрагивались три вопроса: умонастроения украинских крестьян; ближайшие перспективы региона и необходимость для большевиков создать регулярную армию

(Красную Армию); разногласия между большевизмом и анархизмом. Разговор этот, представляющий некоторый интерес, был слишком кратким и поверхностным, чтобы иметь большое значение. Так что мы не будем на нем останавливаться.

Отметим также, что московские большевики помогли Махно перейти украинскую границу с наименьшим риском[60].

Махно считал крестьянские массы колоссальной исторической силой.

«Давно уже у него зрела, — продолжает Петр Аршинов, — мысль: организовать многочисленное крестьянство как самостоятельную историческую силу, выявить веками накопленную в нем революционную энергию и всю эту гигантскую мощь обрушить на современный крепостнический строй. Теперь этот момент подошел».[61]

Таким образом, после краткого пребывания в Москве Махно отправился на Украину, в свой родной Гуляй-Польский район. Это произошло в июле 1918 г.

«Ехать пришлось с большим трудом, строго законспирировавшись, чтобы в том или ином месте не попасть в руки германских агентов. И в самом деле, в одном месте Махно чуть не погиб, будучи схвачен немецкими властями с чемоданом анархической литературы. Его спас один знакомый, гуляй-польский еврей-обыватель, потративший большую сумму денег на его освобождение. По дороге на Украину он получил предложение от большевиков взять для подпольной революционной деятельности определенный район Украины и вести там работу от их имени. Нечего, конечно, и говорить, что Махно не стал даже обсуждать это предложение, стремясь к цели, прямо противоположной большевистской.

Махно вновь в Гуляй-Польском районе; на этот раз с бесповоротной решимостью или погибнуть, или добиться победы крестьянства, но не уходить более из своего района. Весть о его возвращении быстро пролетела из села в село. Он же, со своей стороны, не замедлил выступить перед широким крестьянством открыто — на митингах и печатно, — зовя его к решительным действиям против гетманщины и панства, резко подчеркивая, что теперь трудящиеся не должны упускать судьбу из своих рук. Громкий и волевой призыв его в несколько недель облетел десятки сел и волостей, подготавливая массы к великим событиям.

Сам Махно приступил к действиям сейчас же. Первая задача, стоявшая перед ним — создать военно-революционный отряд достаточной силы, который гарантировал бы свободу агитации и пропаганды в селах и деревнях и который приступил бы к партизанским операциям. Отряд этот был создан в короткий срок. В деревнях имелось достаточно великолепного боевого элемента, готового к действиям. Но была острая необходимость в хорошем организаторе. Таковым являлся Махно. Обязанностями его отряда было: а) вести самую энергичную пропагандистскую и организационную работу среди крестьянства; б) самую беспощадную партизанскую борьбу с врагами крестьянства. В основу партизанских действий был положен принцип, по которому всякий помещик, преследовавший крестьян, всякий вартовой[62] (милиционер), всякий офицер русской или немецкой службы как злейшие враги крестьянства и его свободы должны были уничтожаться. Кроме того, по

принципу партизанства, предавался смерти каждый, причастный к угнетению бедного крестьянства и рабочих, к попранию их достоинства или к ограблению их труда и имущества.

За две-три недели действий отряд этот стал предметом ужаса не только для местной буржуазии, но и для австро-германских властей. Район военно-революционных действий Махно имел огромный — от Лозовой до Бердянска, Мариуполя и Таганрога, и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Быстрота передвижения была особенностью его тактики. Благодаря обширности района и быстрым передвижениям он всегда как снег на голову появлялся в том месте, где его меньше всего ждали, и в короткий срок прошел огнем и мечом по всем пристанищам местной буржуазии. Все те, кто за последние два-три месяца гетманщины успели обосноваться в старых дворянских гнездах, кто пользовался бесправием крестьян, грабя их труд и землю, кто начальствовал над ними, вдруг оказались под беспощадной, неумолимой рукой Махно и его партизан. Быстрые как вихрь, не знающие страха и жалости к врагам, налетали они на помещичью усадьбу, вырубали всех бывших на учете врагов крестьянства и исчезали. А на другой день Махно делал налет уже на расстоянии ста с лишним верст от этой усадьбы на какое-либо большое село, вырубал там всю варту, офицеров, помещиков и исчезал, не дав времени опомниться стоявшим под боком немецким войскам и сообразить, что произошло по соседству с ними. На следующий день он вновь более чем за сто верст от этого села расправлялся с каким-нибудь мадьярским карательным отрядом, усмирявшим крестьян, или вешал вартовых.

Варта всполошилась. Всполошились австро-германские власти. Они выслали ряд батальонов для разгрома и поимки Махно. Но тщетно. Великолепные кавалеристы, наездники с детских лет, притом имеющие по дороге переменных лошадей, Махно со своими партизанами оказались совершенно неуловимыми, делая в сутки переходы, абсолютно невозможные для обычной кавалерийской части. И неоднократно, словно насмехаясь и издеваясь над противником, Махно появлялся то в центре Гуляй-Поля, то в Пологах, где всегда были расположены большие части австро-германцев, то в других местах скопления войск, перебивал попадавшихся ему под руку офицеров и невредимый исчезал — через полчаса всякий след его терялся. Или же в то время, когда, казалось, по горячим следам должны были окружить его в определенном селе, он с небольшим отрядом партизан, переодетый в форму варты, пробирался в самую гущу неприятеля, разузнавал планы и расположение противника, затем ехал с каким-нибудь отрядом, выделенным «для поимки Махно» — и по дороге уничтожал этот отряд.

По отношению к австро-германским и мадьярским войскам общим правилом партизан было уничтожать офицерство, пленных же солдат распускать, предлагая им идти на родину, рассказывать там, что делают украинские крестьяне, и работать на пользу социальной революции. Их при этом снабжали литературой, а иногда и деньгами. Лишь солдат, уличенных в насилии над крестьянами, предавали казни. Такое отношение к пленным имело определенное революционизирующее влияние на солдат.

В этот период своей повстанческой деятельности Махно являлся не только организатором и вождем крестьянства, но в такой же степени грозным народным мстителем. За короткий период его первого партизанского выступления сотни помещичьих гнезд были уничтожены,

тысячи активных врагов и угнетателей народа — безжалостно раздавлены. Его смелый и решительный образ действий, быстрота появления и исчезновения, неуловимость при разного рода обстоятельствах превратили его в легендарную личность, окруженную любовью и гордостью крестьян и страхом и ненавистью буржуазии. В его поступках было, действительно, много легендарного, совершенного его удивительной смелостью, его упрямой волей, проницательностью и здоровым мужицким юмором.

Но этими качествами личность Махно не исчерпывается.

Его боевой дух, партизанские выступления первого периода являлись лишь начальными проявлениями громадного военного и организаторского таланта. Махно неустанно собирал митинги во всех многочисленных селах района, делал на них доклады о задачах момента, о социальной революции, о трудовом, ни от кого не зависимом общежитии крестьян как цели настоящего повстания. Писал об этом листки, воззвания к крестьянам, рабочим, к австрийским и германским солдатам, к казакам Дона и Кубани и т. д.

«Умереть или победить — вот что стоит перед крестьянством Украины в настоящий исторический момент. Но все умереть мы не можем, нас слишком много, мы — человечество; следовательно, мы победим. Но победим не за тем, чтобы, по примеру прошлых лет, передать свою судьбу новому начальству, а затем, чтобы взять ее в свои руки и строить свою жизнь своей волей, своей правдой» (из первых призывов Махно)».[63]

Так говорил Махно широким крестьянским массам.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 апреля 2025 21:01:51

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 апреля 2025 21:49:53